

DOI 10.31029/vestdnc76/4

УДК 94(47.67)

ПРОФЕССОР И. Н. БЕРЕЗИН О ТАРКИ И ТАРКИНЦАХ

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Известный российский востоковед Илья Березин (1818–1896) после окончания Казанского университета и получения степени магистра восточной словесности по ходатайству попечителя Казанского округа М.Н. Мусина-Пушкина и по рекомендации профессора А.А. Казем-бека в 1842 г. совершил вместе с В.Ф. Диттелем трехлетнее путешествие по Дагестану и Закавказью, Аравии, Турции, Персии и Египту, где занимался изучением языков и быта народов, литературы и древностей восточных стран. Итогом этих путешествий стала серия его книг, в том числе «Путешествие по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1849, 1850), в которой, в частности, содержатся интересные и важные исторические и этнографические данные о Дагестане. В статье рассматриваются и характеризуются сведения И.Н. Березина о Тарковском шамхальстве и его центре – селении Тарки, в котором он пробыл неделю.

The famous Russian orientalist Ilya Berezin (1818–1896) after graduation from Kazan University and reception of the Master degree in Oriental literature at the request of the Trustee of the Kazan district M.N. Musin-Pushkin and on the recommendation of Professor A.A. Kazem-Bek in 1842, together with V.F. Dittel, made a three-year trip to Daghestan and Transcaucasia, Arabia, Turkey, Persia and Egypt, where he studied the languages and life of peoples, literature and antiquities of Eastern countries. The result of these trips was a series of his books, including "a Journey through Daghestan and Transcaucasia" (Kazan, 1849, 1850), which, in particular, contains interesting and important historical and ethnographic data about Daghestan. The article examines and characterizes the information of I.N. Berezin about the Tarkovsky shamkhalstvo and its center-the village of Tarki, where he stayed for a week.

Ключевые слова: И.Н. Березин, шамхальство Тарковское, Тарки, таркинцы, шамхал, базар, торговля, марена, сакля, дом шамхала, природа.

Keywords: I.N. Berezin, shamkhalate Tarkovski, Tarki, tarkinians, Shamkhal, market, trade, Marina, hut, the Shamkhal's house, nature.

Тарковское (до середины XVII в. – Казикумухское) шамхальство – это самое крупное, известное и влиятельное владение позднесредневекового Дагестана. Занимая в прошлом значительную территорию равнинной, предгорной и горной зон Дагестана, Тарковское шамхальство располагало всеми видами земель, на его территории находились хорошие пахотные и пастбищные земли. Это обусловило материальное богатство и военно-политическую силу шамхала, получавшего многочисленные подати от подвластного населения и различных обществ.

Занимая центральную часть равнинного Дагестана, по которому проходил важный международный путь, связывавший страны и народы Закавказья и страны Ближнего и Среднего Востока с Северным Кавказом, Поволжьем и Восточной Европой, Тарковское шамхальство являлось феодальным владением Дагестана, наиболее связанным с внешним миром, в том числе с Россией. Здесь в первую очередь бывали различные посольства, путешественники, ученые, военные деятели, научные экспедиции, приезжавшие в Дагестан или направлявшиеся в страны Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Как правило, посещавшие шамхальство собирали материал по различным вопросам его истории, который затем издавали в виде книг или отдельных статей. И, конечно, при этом почти все побывавшие в шамхальстве описывали Тарки – его центр (где проживал и правитель владения – шамхал), находившийся в 5 км от Каспийского моря. Это был доступный «город» для совершающих свое путешествие как сухопутно, так и морским путем.

Одним из таких ученых был Илья Николаевич Березин, который в 1842 г. находился в Тарки в течение недели и описал его в работе, посвященной результатам своего путешествия в восточные страны.

И.Н. Березин (1818–1895) окончил Казанский университет. По окончании учебы и получении в 1841 г. ученой степени магистра восточной словесности по ходатайству попечителя Казанского округа М.Н. Мусина-Пушкина и по рекомендации профессора А.А. Казем-бека в 1842 г. был отправлен вместе с В.Ф. Диттелем в страны Ближнего Востока (Турция, Персия, Аравия, Египет) для изучения языков, быта, обычаев и древностей ряда мусульманских стран и в итоге для подготовки работы на восточном факультете Казанского университета. Из Астрахани, начав свое путешествие по Каспийскому морю, экспедиция дошла до Тарки. Высадившись здесь, после недельного пребывания в Тарковском шамхальстве в конце июля 1842 г. и сбора материала об этом владении, главным образом о его столице Тарки и таркинцах, И.Н. Березин продолжил путешествие через земли Утамышского султанства, а затем Дербент в Кубу, Баку и далее. В 1845 г. после трехлетнего путешествия он возвратился в Казань. Впоследствии И.Н. Березин стал видным российским ученым-тюркологом, востоковедом, профессором Казанского, а затем Санкт-Петербургского университета.

Результатом собранного во время путешествия материала явилась работа И.Н. Березина под названием «Путешествие по Дагестану и Закавказью», написанная им после возвращения из путешествия и изданная в Казани в 1849 г. В 1850 г. вышло 2-е, дополненное издание книги [1].

Информация о Тарковском шамхальстве, с которого, собственно, и началось путешествие по Дагестану, приводится в первой части книги И.Н. Березина, это в основном материал о его столице – Тарки и его жителях. Остальной материал по Дагестану дается во второй части его работы.

Начиная описание путешествия из Астрахани в Тарки 23 июля 1842 г., И.Н. Березин отметил, что он выбрал путь по Каспию, а не сухопутный через Кизляр «... более потому, что до самого Тархов я мог плыть на пароходе скоро, спокойно, безопасно и без расходов, благодаря благосклонности астраханского начальства, а спокойствие, безопасность и экономия в путешествии чрезвычайно важные вещи» [1, с. 4]. При этом молодой исследователь замечал, что «на западном (имеется в виду дагестанский. – Б.А.) берегу удобных гаваней, за немногими исключениями, не имеется, и притом подробной и основательной карты для плавания по Каспийскому морю еще не издано» [1, с. 11–12].

Невозможно не отметить то восхищение, которое испытал И.Н. Березин при виде Кавказа с палубы парохода. «Боже мой! – писал он. – Я глядел во все глаза и ничего не понимал! Кавказ, горы, море, селения, скалы, даже деревья здешние нисколько не походили на те странно-нелепые образы, которыми до сих пор угощало меня воображение, при деятельном пособии многочисленного и достойного всяких похвал сонма поэтов, никогда не видевших Кавказа и воспевавших в звучных рифмах великолепие кавказской природы» [1, с. 52]. И далее, говоря, как неверно многие описывали природу Кавказа, И.Н. Березин писал: «При первом взгляде на очаровательный отрывок огромной картины, находившейся у меня перед глазами, я понял инстинктивно всю ложность водянистых пейзажей изнасилованного воображения, всю ничтожность географических сведений, собранных мною в «достоверных писателях»; лицом к лицу с живою грозно-пленительной природой я почувствовал свое одиночество в этой неведомой стране чудесного. Я видел ясно свое бессилие, я узнал мгновенно, что здесь нужно учиться всему снова, разбирать все своим хилым умом, а не по чужим теориям» [1, с. 52–53].

Подплывая к Тарки – столице Тарковского шамхальства, И.Н. Березин писал: «Смотришь на горы, и видишь, что они не так круты, как сначала казались, что по ним вьются дорожки, что в

ущелье, прямо перед глазами лепятся какие-то клетки, одна над другой, а выше белой ленточкой бегут к облакам, какие-то стены: это Тарху (Тарки. – *Б.А.*) и Бурная (крепость, заложенная в 1821 г. на горе Тарки-тау ген. А.П. Ермоловым – *Б.А.*). Уже будучи на берегу, И.Н. Березин записал, что «укрепление лежит в 3 верстах от моря, на нижнем берегу, под горою, на ребрах которой раскидан Тарху, увенчанный крепостью Бурной» [1, с. 54].

Как и многие, писавшие о Дагестане и Тарковском шамхальстве, И.Н. Березин в первую очередь обратил внимание на Тарки (кум. Таргу). По его словам, «Тарху, татарское название которого происходит от глагола «таркаман», по здешнему выговору «тархамак», раскидываясь, лежит на крутом ущелье в полутора верстах от Нижнего укрепления к ЮЗ, раскидываясь по скату горы, сверху до низу, отчего получил свое название (тарху – раскинутость)» [1, с. 58]. Далее он отмечает, что Тарки, каким он его увидел, почти не изменился от прошлого времени, от того вида, как оно было описано до него. Так, например, описывал Тарки участник Персидского похода 1796 г. С.М. Броневский: «... город, местопребывание шамхала, лежит в 5 верстах от моря, между реками Озень и Манас, на скате горы, в довольно просторном в высоком ущелье, которое вышло полукружием, лицом к морю, ... вид сего города ... представляет с морского берега подобие амфитеатра» [2, с. 303]. Другой участник этого похода, впоследствии академик, П.Г. Бутков отмечал, что «Тарки имеет прелестное положение. Составляющие его 1500 домов разбросаны по косоугору версты на 3... Дома... главной части города расположены все по косоугору, так что один дом почти над другим стоит ...» [3, с. 200].

Обещая описать Тарки «с лучшей стороны и передать все красоты, какие окажутся у него в наличности», И.Н. Березин обратил внимание на «первое украшение» Тарки – это «жидовская (еврейская. – *Б.А.*) слободка, брошенная под горой». По его словам, евреи, согласно преданию, «поселились в этих местах со времени вавилонского пленения и с некоторым успехом занимаются между горцами мелкой промышленностью». Отметив тяжелое, неравноправное положение евреев по сравнению с местным населением, И.Н. Березин писал: «В настоящее время Жиды пользуются совершенной безопасностью. В Тарху они занимаются торговлей, преимущественно бумажными материями» [1, с. 60].

Продолжая описание Тарки, И.Н. Березин отмечал, что «над жидовской слободой начинается город», «из-под горы видна только незначительная часть его», «несколько саклей, разбросанных без всякого порядка, в значительном расстоянии одна от другой», в гору ведет каменистая, довольно крутая и узкая дорога, «рядом с дорогой бежит ручей, то скрывающийся в жолобах и саклях, то падающий с шумом по камням». Это был ручей, снабжающий Тарки водой. «Этот ручей, – писал И.Н. Березин, – проведенный из-под крепостной башни, протекая чрез весь город, служит повсеместно самым лучшим депо снабжения водой: иногда он журчит и в самих домах» [1, с. 60–61].

Как и С.М. Броневский, И.Н. Березин писал, что «весь город раскинулся амфитеатром». Описывая жилища таркинцев, он отметил, что они «большую часть смазаны из камня с глиной; кровли у всех саклей плоские». Интерес представляет описание дома шамхала. «Почти в середине города, – писал он, – находится дворец – нет! лучше будем говорить без восточных гипербола – просто дом Шамхала; это здание, единственное в городе отличается от саклей и величиной и тщательной отделкой, но все же азиатская натура положила на нем свое клеймо: у дома Шамхала кровля плоская, как и у всех саклей, как и у всего правоверного Востока» [1, с. 62]. И.Н. Березин отмечал также, что «деревянного материала на постройки идет здесь очень мало, а обходятся тесным камнем; некоторые употребляют на постройки сушеный кирпич, но и он готовится в Тарху в незначительном количестве... Черепицы в Тарху не делают, потому что здесь нет хорошей глины» [1, с. 70].

В другом месте, останавливаясь на описании дома шамхала, И.Н. Березин писал, что дом «находится в верхней части Тарху и выстроен несомненно по-здешнему: это довольно правильное здание сложено из тесеного камня, освещается правильно расположенными окнами с рамами и стеклами, и с фасада, перед которым растут тополя, очень похож на европейское жилище; к одной из боковых камней примыкает балкон. У главных ворот находится тюрьма – выкопанная в земле яма, в которую на веревке спускают преступников». Далее он описывает дворы шамхальского дома. «На первом дворе, – писал он, – находится между главными и вторыми воротами фонтан, или правильнее четырехугольный бассейн сажен семь в окружении, покрытый навесом, подле бассейна лежит небольшой серый камень: это трон Шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются новые владельцы Тарху» [1, с. 74–75].

И.Н. Березин, к сожалению, не описал церемонию избрания и коронации шамхала, хотя она представляет большой интерес. С.Ш. Гаджиева отмечала, что, как правило, шамхал избирался на собрании знатных кумыкских биев, мурз, кадиев и «лучших» людей кумыкской земли [4, с. 90], сын шамхала не наследовал трон, эта должность была выборной. Причем «в силу установившихся традиций ни один избранный в Тарки шамхалом не мог быть признан, если акушинцы, главное даргинское вольное общество (речь о представителях общества Акуша-Дарго во главе с кадием. – *Б.А.*) не признает его. В дни избрания нового шамхала акушинцы посылали в Тарки свою депутацию и проводили коронование нового владыки. Церемония эта заключалась в том, что депутаты «вольного народа» сажали шамхала на специально для этого устроенный четырехугольный камень (описанный выше И.Н. Березиным. – *Б.А.*) и затем одевали на избранного шапку в виде короны» [5, с. 187]. Вот как описывал коронование вновь избранного шамхала участник Персидского похода 1796 г. майор Д.И. Тихонов: «Еще же они (акушинцы. – *Б.А.*) имеют то преимущество, что во время избрания нового приемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают на камень четвероугольной, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом» [6, с. 131].

Интересно, что еще секретарь и советник голштинского посольства к персидскому шаху, немецкий путешественник, математик, географ и историк Адам Олеарий, посетивший Дагестан в 1637 г., отмечал: «Когда его (шамхала. – *Б.А.*) избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) (очевидно, акушинский кадий. – *Б.А.*) бросает в него позолоченное яблоко; в кого оно попадет, тот становится шамхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросать» [7, с. 494–495].

Относительно другого двора шамхальского дома И.Н. Березин замечает: «На втором дворе, расположенном в ряд с первым, находится с левой стороны продолговатая четырехугольная комната также с бассейном, замечательная тем, что в ней принимал Шамхал Императора Петра во время пребывания Его в Тарху» [1, с. 75].

Интерес вызывает описание рынка в Тарки, приведенное И.Н. Березиным: «В верхней части города находится базар, но не восточный базар, настоящая отрада правоверной души, единственное и лучшее место для прогулки и свиданий мусульманина, самое шумное проявление его жизненной деятельности. Базар в Тарху есть безмолвная могила нескольких связок кое-какого товару, мало посещаемая и нисколько не оживленная. Здесь находится не более тридцати лавок, и в самом лучшем здешнем магазине лежит товару много, много рублей на семьдесят» [1, с. 62]. По его словам, «постоянный предмет солидной торговли составляют здесь бумажные материи для горских щеголих, верблюжье сукно для горских щеголей и татарские башмаки для всех вообще». Если хлопчатобумажные ткани были как привозные фабричного производства, так и местного производства, то сукна, в том числе из верблюжьей шерсти, изготавливались на месте, о чем имеются

многочисленные сведения. Они привозились для продажи в разные торгово-ремесленные центры Дагестана, каким был и Тарки. Да и сам И.Н. Березин пишет об этом: «Татары (т.е. кумыки. – Б.А.) работают грубое верблюжье сукно, шириной в одну четверть: ханский аршин (1½ арш.) его стоит 1 руб. сер. Чеченцы выделывают также сукно из козьей шерсти и продают по 2 аббаса аршин» [1, с. 62–63].

Изготовление сукна являлось одним из традиционных видов ремесленного производства, связанного с переработкой продуктов животноводства. Д.И. Тихонов в конце XVIII в., например, писал, что жители шамхальства «из шерсти овечьей делают на продажу и на домашние употребления простые сукна: синие, черные, белые, посредственные ковры. Делают хлопчатую бумагу» [6, с. 135], т.е. хлопчатобумажную ткань, что созвучно сообщению Березина о «бумажных материях», продававшихся на таркинском базаре.

Нельзя согласиться с И.Н. Березиным в том, что в Тарки торговля была слабой: наличие 30 торговых лавок в небольшом населенном пункте, насчитывающем около 5000 жителей (см. ниже) – это немало, причем речь, очевидно, идет о специализированных лавках, в которых он приобрел себе и восточные башмаки-чувяки из тонкой красной кожи, и черкесский кинжал. При этом И.Н. Березин отмечает, что в «летнее время базар оживляется привозными фруктами, но цена на них довольно высока: арба дынь стоит пять целковых» [1, с. 63]. Интересно упоминание им продаваемого здесь верблюжьего сукна. Мы знаем оценку этих сукон, известных под названием «лезгинских шалей», данную многими авторами, писавшими как до, так и после И.Н. Березина. Так, еще в 1718 г. участник посольства России в Персию А.И. Лопухин писал, например, что кубачинцы «имеют у себя немало довольство шерсти, из которой сукна делают сами и по их мастерству, не худо делают, а шерсть у них изрядна и мягка» [8, с. 32]. О них же академик С.Г. Гмелин замечал, что они сами в горах делают «один род тонкого сукна», называемого «Кубешишал», которое меняли продавцы Гиляна и Шемахи на свои «шелковые материи» [9, с. 21]. О кубачинцах писал и немецкий медик Якоб Рейнеггс, отмечавший, что их женщины «делают тонкия шерстяные сукна особливого рода, которые мужья их на платья употребляют» [10, с. 278].

Производством сукна из овечьей шерсти занимались в обществах Акуша-Дарго, Анди, Ахвах, Андалал, Верхнем Кайтаге, Келебском союзе. Центрами сукноделия были Карата, Согратль, Ругельда, Сомода, Тлондода, Тинди, Акуша, Цудахар, Хаджалмахи. В ряде сел Акуша-Дарго (Мекеги, Муги, Усиша, в особенности же – Уллуая, Кутиша, Цудахар, Хаджалмахи) выделывались исключительно тонкие и мягкие сукна из верблюжьей шерсти, закупаемой в большом количестве в Астрахани [10, л. 14; 12, с. 30; 13, с. 31; 14, с. 66]. В целом дагестанские сукна были высокого качества. Еще в 1733 г. в докладной записке, представленной императрице Анне, указывалось, что в горах Дагестана изготавливают из шерсти сукно такое же, как английская двойная фланель, и мягкое, как бархат [15, с. 289].

В аварских селениях Карата, Арчи, Арчо, Тинди, Келегури, в Келебском союзе производились сукна естественного цвета шерсти, в том числе совершенно белые, которые шли на изготовление верхней одежды, особенно черкесок [16, л. 48; 17, с. 66]. «Жители общества Кель, – писал акад. Н.Ф. Дубровин, – славятся приготовлением лучших в Дагестане шалей (лезгинских сукон)» [17, с. 503]. Позже Е. Марков также отмечал, что Келебское общество славится «в горах лучшими лезгинскими сукнами (шалями): женщины их удивительные ткачихи и за зиму продают сотканных ими шалей не менее как рублей на 60 каждая хозяйка... Шали идут в Грузию и Кахетию» [18, с. 491].

Говоря о торговле в Тарки, следует отметить, что здесь был даже особый торговый квартал, который назывался Базар-аул [4, с. 60]. Тарки был известным торговым центром, который, как писал еще в конце XVIII в. Д.И. Тихонов, торговлю вел по «большой частию с соседними владениями,

---

как-то с узмиевым, с кумыками, акушинцами, а также с Россией, скотом, пшеницей и воском» [6, с. 130]. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I в 1722 г. майор И.-Г. Гербер писал, что в Тарки было «несколько жителей», торговавших «в Персии и России» [19, с. 71].

В дальнейшем, с включением Тарковского шамхальства в состав Российской империи, Тарки получил импульс дальнейшего хозяйственно-экономического развития, он стал одним из крупных торгово-ремесленных центров Дагестана, торговые люди откуда выезжали в разные общества Дагестана и за его пределы для торговли разнообразными товарами, производимыми не только в шамхальстве, но и приобретаемыми ими как в Тарки, так и в других местах. Согласно имеющимся сведениям, за 10 лет до посещения Тарки И.Н. Березиным, в 1831 г., здесь проживало 10 000 жителей, из «коих большая часть ведут торговлю с Кизляром», а в упомянутом квартале Базар-аул постоянно проживали российские и другие купцы, имея здесь свои лавки [20, с. 156].

Несомненным достоинством Тарки И.Н. Березин считал то, что «из верхней части Тарху вид очарователен, так очарователен, что забываешь трудности горного подъема и не замечаешь безобразия городских саклей» [1, с. 64].

Характеризуя эти сакли, он писал, что архитектура их «нисколько не затейлива, так же как и материал, из которого оне построены: это продолговатые четырехугольники, фасад которых обращается, по правоверному обычаю, на двор, для того, чтобы домашняя жизнь мусульманина, его гинекеон навсегда были скрыты от любопытных взоров». Описывая дом таркинца, И.Н. Березин писал, что сакля состоит из трех комнат; «приемная, где заседает глава дома», которая представляет из себя «в роде зала с камином... и с нишами в стенах для разной поклажи, между которыми посуда занимает видное место». Другие комнаты, как пишет автор, отведены остальным членам семейства, «к которым нередко принадлежали овцы и бараны» (!), [1, с. 64], очевидно, подразумеваемая наличие хлева в структуре традиционного дома. Автор отмечает, что «комнаты освещаются преимущественно дверями, в крайности прибегают и к окнам или лучше к отверстиям без рам и стекол, по большей части закрытым ставнями» [1, с. 64]. Нужно сказать, что данное описание в целом характеризует традиционный дагестанский дом предгорной зоны. Не ускользнул от пытливого взора путешественника и интерьер жилища таркинцев: «... вот у в углу одной комнаты навалено несколько перин, вот диван, покрытый истасканным ковром, а над ним оружие хозяина, вот висят на стенах фаянсовые и оловянные тарелки..., вот мелочь, накиданная на тахчах (нишах), а в конюшне несколько штук баранов и лошадь, – и более ничего! Таков домашний обиход и весь капитал зажиточных, а у бедных нет и того» [1, с. 69].

Исследователь отмечает и характерную скученность домостроений, их террасообразное расположение, типичное для пространственно-архитектурного облика традиционного дагестанского села, расположенного на горном склоне: «Так дома лепятся по горе один над другим, то из окна одного дома можно выйти на кровлю другого, с кровли спуститься в дом, и таким образом совершить дружескую прогулку по всему городу» [1, с. 64].

Интересна информация И.Н. Березина, что в Тарки имеется 8 мечетей, одно «мусульманское училище» (т.е. медресе), где до 8 учеников, и одно русское в Низовом укреплении, где до 40 русских учеников [1, с. 70–71].

Говоря о размерах Тарки, И.Н. Березин пишет, что «горное углубление, в котором расположено Тарху», занимает территорию «шириною с полверсты, а длиною по скату около полуторых верст» [1, с. 64]. К крепости Бурной из Тарки «вела крутая дорога, вырытая в горе», автор отмечает по пути видимые им «первую крепостную стену», «первые ворота, подле которых выстроена башня», отдельно стоящую башню и «главные ворота крепости» [1, с. 65]. «Не много найдется на Кавказе таких видов, – писал И.Н. Березин, – какой представляется со стен Бурной: с этой страшной высоты взор обегает окружные горы, живописно волнующиеся одна за другой, скользит по саклям

Тарху, представляющимся отсюда в очаровательном беспорядке, и стелется по необъятной равнине моря, сливающейся с далью!» [1, с. 65].

По мнению И.Н. Березина, свое название крепость Бурная получила «от частых ветров, дуящих здесь с свирепою силою». Он приводит интересное описание укрепления: «Гора, на которой расположена Бурная, составляет оконечность хребта Акуши и Мехтули. Окружность крепости около 450 сажен; стены выложены очень прочно; внутри находится прекрасное здание комиссариата, гауптвахта и несколько казарм». Во время посещения крепости И.Н. Березиным она была «оставлена по неудобности местности в военном отношении, и отряд войск временно» был переведен в Низовое укрепление, расположенное около побережья [1, с. 66].

И.Н. Березин отмечает и климатические условия жизни в Тарки, укреплениях Бурной и Низовой, труднопереносимые жару и духоту; при нем температура доходила до 28 градусов тепла в тени, в связи с чем он писал: «Можете себе представить, каково было природному Сибиряку сидеть на этой натуральной бане!». Зимой же здесь было «довольно холодно; в мазанках Низового укрепления ветер иногда проникает везде и даже тушит вечером свечи» [1, с. 66–67].

Остановившись на численности населения Тарки, И.Н. Березин писал, что она «не превышает пяти тысяч, прежде доходило до десяти, но удаление Шамхала, набег Казы-Муллы, другия неблагоприятныя обстоятельства обезлюдили это местечко». Что касается количества домов, то их он в Тарки насчитал до 1200. Все жители, писал он, далее мусульмане-сунниты, «родом Татары, одного происхождения с Кумыками, что доказывается и физическим сложением и наречием Тархинцев... Жители Тарху и вообще дагестанские Татары (т.е. кумыки. – *Б.А.*) не имеют в характере почти ничего общего с Татарами... Здешний Татарин сильно отзывается (т.е. выглядит. – *Б.А.*) Горцем как в костюме, так и в нраве» [1, с. 67].

Весьма интересно описание И.Н. Березиным традиционной повседневной мужской и женской одежды: «Костюм жителей Тарху представляет смесь горскаго с дербентским: вседневная одежда состоит из черкесскаго папахы (огромной широкой бараньей шапки), из чухи с разрезанными рукавами и с патронами на груди и из горских шалвар и обуви. Женщины облакаются в рубашки более или менее длинныя, утопают в шалварах (туманах), а голову повязывают платком, не прячут лицо под покрывалом» [1, с. 67]; мужчины-таркинцы «постоянно вооружены кинжалами и не без смеха видишь даже мальчишек, прицепивших к поясу кинжал больше себя» [1, с. 69].

Весьма своеобразен взгляд И.Н. Березина на повседневную жизнь таркинцев. Он отмечал, что их «главное занятие... состоит в безмолвном созерцании природы с плоской кровли мечети или собственного дома», для них тяжела всякая работа, «не смотря на общую бедность жителей Тарху, ни один из них не хочет работать, ни один из них не запасает денежку на черный день: все живут лишь настоящим. Это общее правило в горах. Пришла беда – и Горец обращается за помощью к своим родным или знакомым: помогли хорошо, а не помогли так пропадай, как знаешь. Впрочем, к чести гор, последнее обстоятельство встречается не часто, да и при ограниченности потребностей Горца и при правильном, здоровом образе жизни, ни нищенство, ни болезни ему почти неизвестны» [1, с. 68–69]. Конечно, столь вольный сторонний взгляд не отражает трудные реалии сельской жизни, подчиненной в значительной мере сельскохозяйственному календарю, сезонным сельхозработам, обеспечивавшим минимумом необходимых жизненных средств в непростых природно-климатических условиях зоны Тарки и при существовавшем уровне средств производства. При этом верно подмечены ограничение индивидуальных потребностей и в определенной степени аскетический образ жизни.

И.Н. Березин затрагивает и вопрос о традиционных занятиях таркинцев. «После созерцания природы, – писал он, – первое место занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления, и здешняя почва считается очень способной к

произрастанию марены». Причем он отметил, что на работы в маренниках «собираются в Тарху толпы Горцев» [1, с. 69].

Действительно, в Тарки широко было развито мареноводство, хотя, конечно, не в той мере, как в Дербенте, откуда марена доставлялась на продажу в Кизляр и Астрахань на десятки тысяч рублей серебром. Но и в Тарки производили и вывозили марену в указанные города. Так, еще в конце XVIII в. Д.И. Тихонов замечал, что из шамхальства (речь, конечно, идет о Тарки) «мариону продают в Кизляр, а иногда доставляют и в Астрахань» [6, с. 135].

Занимавшиеся сезонным отходничеством горцы приходили в Тарки во время сбора марены, где они нанимались на работу, в чем И.Н. Березин совершенно прав. И это подтверждается различными источниками. Так, в одном из них отмечается, что «из предметов местного производства замечательнее прочих марена, которая, доставляя значительный доход занимающимся ею, вытеснила собой часть других родов земледелия». Но еще важное, на что обращено было внимание и И.Н. Березиным, что «на весенние работы на маренниках привлекают сюда из нагорных обществ 25 тыс. человек» [21, л. 17 об.]. Это свидетельствует об огромных масштабах мареноводства в шамхальстве и в окрестностях Тарки, в частности.

Кроме марены, по наблюдениям И.Н. Березина, «татары (т.е. кумыки. – *Б.А.*) сеют ячмень, пшеницу и кукурузу, из последних выделывают муку». Он отметил также слабое развитие садоводства в Тарки («фруктов родится очень мало»), занятие «выделкой шелка» некоторыми таркинцами, которые «содержат для этого шелковичных червей», малочисленность ремесленников и торговцев («ремесленников в Тарху очень мало: всякий норовит промышлять себе хлеб без больших хлопот торговлей в мелочной лавке») [1, с. 69–70]. Автор подметил также, что в Тарки привозят из Кизляра вино («по 50 коп. сер. ведро») и что местное население употребляет серебряные монеты, но «преимущественно тифлиские аббасы в 20 и 10 коп. серебром» [1, с. 70–71], несмотря на то, что 14 августа 1835 г. был опубликован указ Сената о закрытии Тифлиского монетного двора и изъятии из обращения грузинской монеты с заменой на общероссийские [22, с. 136].

Очень кратко описана И.Н. Березиным система управления Тарки: «Для наблюдения за общественным спокойствием существует в Тарху Кала-бек (городничий) из Татар; а при нем находятся Юз-бек (сотник) и Чауши (городовые)» [1, с. 71].

Интересны замечания о том, что в Тарки нет пристани, что на берегу против города находятся соляные грязи, что в 15 верстах от Низового укрепления около моря находится соляное озеро Турали, о пребывании в горах некоего медика, бежавшего «от разбоев С. Разина», который вроде рассказывал о нахождении «в горах много древностей и надписей», о так называемой Таркинской клинописной надписи [1, с. 71–72].

Во время своего пребывания в Тарки И.Н. Березин удостоился чести познакомиться с женой шамхала Султанет (у Березина – Сюльтанет) – героиней популярной повести А.А. Бестужева «Аммалат-Бек». Он описал свою встречу с ней в доме шамхала, в котором она занимала отдельное помещение. Описал он Султанет как бывшую красавицу, жену Абу-Муслим-шамхала, но «рано увядающую, от былой красоты которой остались выразительные черные глаза и гибкий стан кипариса» [1, с. 73–77].

И.Н. Березин в своем очерке обращается кратко и к истории Тарки. Так, он выражает несогласие с мнением о локализации на месте Тарки Семендера, с версией «Дербенд-наме» об отождествлении этих двух населенных пунктов, обращается к описанию Семендера Хамдулахом Казвини. Он затрагивает и вопрос о появлении шамхалов, об их взаимоотношениях с Россией, переходе в российское подданство, приводит некоторую информацию о правящем шамхале Абу-Муслиме. И.Н. Березин высказывает мнение о цивилизаторской миссии и «благотворном влиянии» России в истории Дагестана и шамхальства Тарковского, в частности он пишет: «Неблагоприятная обстоя-

---

тельства до сих пор препятствовали развитию гражданственности во владениях Шамхала, но надобно надеяться, что с поселением в этом краю на постоянное жительство Русских и с успехами вводимого благоустройство их управления, нравы Горцев потеряют вероломную свирепость, и вся страна воспользуется благодеяниями образованности. До тех пор пока Горцы будут отделены от семейного очага России, пока они будут единственными обитателями этих стран, об успехах цивилизации нечего и говорить» [1, с. 83].

Кратко И.Н. Березин высказался и о происхождении кумыков. По его мнению, «Кумыки, тюркское племя, явившееся на Кавказ еще до нашествия Аравитян. К этому населению примешались в последствии Татары, пришедшие с Монголами, и оттого как по физиономии, так и по языку, Кумыки родственны нашим северным Татарам, хотя и по первобытному происхождению они принадлежат к общему семейству. ... Можно полагать, что Кумыки составляли первоначальное население Шамхальства Тарховского или по крайней мере одно из древнейших здешних племен...» [1, с. 84]. Впрочем, это высказанное мнение И.Н. Березина ныне представляет только историографический интерес.

Завершая наш обзор сведений И.Н. Березина о Тарки и таркинцах, отметим, что перед нами фактически первый, хоть и краткий, историко-этнографический очерк о локальной группе кумыков, проживавших в административном центре Тарковского шамхальства. Молодой, начинающий востоковед, а И. Березину было только 24 года, когда он начал свое путешествие в страны мусульманского Востока, удалось в научно-популярном жанре путешествий представить картину повседневной жизни кумыков-таркинцев, их быта, культуры, охарактеризовать само поселение, традиционные жилища, одежду, занятия сельчан, систему сельского управления почти 180-летней давности. И в этом непреходящее значение этого источника по истории, культуре и этнографии одного из народов Дагестана, несмотря на имперские взгляды молодого Березина на «бунтующий Дагестан», на горца, как «свирепого дикаря» и «дикого обитателя» с его «воинственным, разрушительным духом».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е, доп. Казань, 1850. Ч. 1. С. 120.
2. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. 362 с.; Ч. 2. 471 с.
3. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. / под ред. *М.О. Косвена* и *Х.-М. Хашиева*. М., 1958 (далее – ИГЭД). С. 200–208.
4. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 385 с.
5. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1957. 403 с.
6. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125–137.
7. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 578 с.
8. *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 6–59.
9. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. 336 с.
10. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост., введ., вступит. ст. к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала, 1992. 304 с.
11. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14.
12. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. 105 с.

-
-
13. Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. 2. 98 с.
  14. *Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. 116 с.
  15. *Полиектов М.А.* Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 4. 123 с.
  16. Российский государственный военно-исторический архив. ВУА. Д. 6228. Ч. 1.
  17. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. Т. 1, кн. 1. 640 с.
  18. *Марков Е.* По Дагестану. СПб., 1888.
  19. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 60–120.
  20. *Феодаева Ф.З.* К вопросу о развитии русско-дагестанских отношений во II половине XVIII в. // Учен. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. 14 (Сер. историческая). С. 155–157.
  21. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 5. 1851. Д. 372.
  22. *Чураков Д.О.* История российских окраин в нумизматике. М.: Хобби Пресс, 2012. 264 с.

Поступила в редакцию 22.01.2020 г.

Принята к печати 26.03.2020 г.